

ФИГАРО! БРАВО-БРАВИССИМО!

К шестидесятилетию Андрея Миронова

Независимая газета,
— 2001. — 7 марта. — с. 7

Андрей Миронов на репетиции «Голубого огонька».
Фото ИТАР-ТАСС

Вера Максимова

ОН РОДИЛСЯ 8 Марта. В «женский день», в «женский праздник». Он, который несравненно, «тотально» нравился женщинам и женщинам талантливо, разнообразно, пылко, каждую — особенно — любил. Он был очарователен, прелестен, по-моцартовски легок. Как и его старший и близкий друг, первооснователь «Современника» Игорь Кваша, Миронов, в «шестидесятники» по возрасту не попавший, играл мальчиков. Но это был американский мальчик Холден «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера. Он играл «маски» взрослых мальчиков Маяковского: ужасную — перерожденца Пьера Присыпкина, пошляка Баяна и прекрасную, солнечную — энтузиаста, гения движения Велосипедкина. У молодого Марка Захарова в его запрещенном (тихо удушенном властями) «Доходном месте» он играл мальчика Жадова очень живым, талантливым, добрым, которого загоняет в тупой угол жизнь и который, обессилив, уже готов капитулировать, но в последний миг восстает, поднимается с колен, протестует, хоть и шепотом. Невероятно популярный, знаменитый, всенародно любимый, Миронов никогда не принадлежал к «властителям дум» нашего Театра, пламенным защитником «гражданственности», моралистом. В юности на вопрос о том, в чем состоят его комсомольские обязанности, отвечал, что «гуляет по вечерам с собакой». И публика у Миронова сложилась своя, во многом другая, чем у его столь же знаменитых сверстников. Разумеется, «прогрессивная театральная общность» в полном составе являлась на мионовские спектакли, среди которых оказалось столько событийных, этапных — и возрожденный Маяковский, и «Доходное место», и «Дон Жуан» и крамольный в 70-е годы «Ремонт» драматурга Рошина, и классические «Ревизор» и «Горе от ума», и чеховский «Вишневый сад», где он несравненно, не купцом-накопителем в первом поколении, а талантливым и совестливым, русским человеком с тонкими нервными пальцами и тонкой душой

сыграл Лопухина, и ослепительная, славящая радость бытия «Женитьба Фигаро»... В огромном, на 1200 мест амфитеатре Театра сатиры постоянно не хватало места. Этих людей он оставил в наследство своему осиротевшему театру, в котором прожил и проработал 25 лет, который переживает ныне не лучшие свои времена и тем не менее ежевечерне полон, как при Миронове.

Миронов ушел из жизни «театрально», умер так, как мечтают умереть все актеры без исключения. Миронов ушел в час своего наивысшего актерского торжества, в самом финале «Женитьбы Фигаро». В черном, бархатном, в шитые и зеркальных блесках, парадном сюртуке своего героя, он ушел не «слугой» (как заметил один из критиков), а «грандом» вдохновенного Плучекова, суперэстетского — зайцевского и левенталевского — спектакля. Близкий друг и партнер Александр Ширвиндт — Граф Альмавива едва успел подхватить его, услышал: «Голова, голова болит». Ольга Аросева в костюме Марселины бегала через площадь к телефону, обзванивала знакомых и незнакомых в поисках знаменитого московского нейрохирурга Канделя, в то лето отдыхавшего на Рижском взморье. (В православных храмах ныне отделившейся Латвии в этот день, вот уже четырнадцатый год проходят поминальные службы.)

Сегодня о Миронове часто вспоминают, много пишут хорошего, верного (вышли два издания сборника воспоминаний), но и лживого, дурновкусного. Делят его привязанности. Присваивают его вечную «единую и неделимую» любовь. Оскорбляют его семейных, близких, друзей, произвольно присоединяя себя к последним. Но подлинно близких друзей насчитывалось у него немного. Гриша (Горин), Игорь (Кваша), Шура (Ширвиндт), Саша (Ушаков), Марк (Захаров), Миша (Державин)... Его талант, казалось, целиком принадлежал сфере таинственной, иррациональной, вдохновения и наития: импровизационной стихии, говоря по-театральному. На самом деле он бесконечно над собой трудился, работал. Ибо от природы вовсе не был создан так идеально, как представлялось. (Говорят, что

даже в день гибели — летний, солнечный, жаркий, он играл в теннис, не только потому, что любил, но и в опасение лишнего веса.) От рождения у него были «тяжелые ноги», склонность к полноте.

Пластическая гармония, идеальная соразмерность, равно как и певческий дар, пришли позже, дались многолетними упражнениями. Он был также педант, чистюля. Входя в дом, неизменно проводил пальцем по поверхности мебели. Он был по-американски деловит и пунктуален. Любил деньги, вернее — свободу, которую они ему предоставляли, но никогда не халтурил. На самых скромных концертах играл и пел в полную силу, работал на износ. Вот только был ли он, такой заразительно смешной на подмостках, такой остроумный, в с е л? Глаза смотрели печально. Когда отбирались фотографии для юбилейного или поминального, по случаю шестидесятилетия артиста, спектакля, веселой фотографии не нашлось. Между тем Миронов — или судьба — выбрали верно — и Театр сатиры, и многолетнего руководителя.

Сыгравший 18 главных (и каких!) ролей, поставивший 5 самостоятельных спектаклей, артистической биографией своей Миронов сравним с немногими. Его жизнь совпала со временем расцвета и активного действия выдающегося советского режиссера Валентина Плучека. Плучек и Театр сатиры создали Миронова.

Даже в его «пустельге» Хлестакове вдруг проступали вопрошание и тоска. Как комедийный, синтетический, широчайшего диапазона актер в театре и кино Миронов состоялся полностью. Как драматический и трагедийный актер он лишь становился на ноги. В последние годы он открылся как глубокий и оригинальный постановщик русской классики. Он ходил по краю жизни и тем больше, иступленнее любил жизнь. Так веровал его великолепный человек — Фигаро. Его Мэкки с петлей на шее кричал: «Я жить хочу!» На юбилейном спектакле, в котором будет участвовать почти вся труппа, даже только что перенесший тяжелую операцию Спартак Мишулин, с экрана над сценой прозвучит этот крик-призыв-протест. И мы услышим его.